

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.14>

UDC 39(575.1)=161.1
LBC 63.521(=411)

Submitted: 21.12.2022
Accepted: 15.02.2023

RUSSIANS IN REPUBLIC OF UZBEKISTAN: DEMOGRAPHY, IDENTITY, AND SOCIAL DYNAMICS

Yulia N. Tsyryapkina

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the issues of demographic development, identity, and social dynamics among Russians on the basis of the field materials collected in the Republic of Uzbekistan in the period from 2011 to 2019. *Methods and materials.* Based on historical and anthropological approaches, the article proves that the term “Russians” in the context of Uzbekistan should be considered without ethnicization; Russian people in the Republic can’t be analyzed as a homogeneous ethnic group. It was revealed that the alternative denominations for this group are such terms as “Russian speaking” and “Europeans,” including the descendants of migrants to Central Asia during the time of the Russian Empire and the Soviet period. *Analysis.* It was proved that the demographic activities of Russian speaking ethnic groups (Russian Ukrainians, Tartars, and Koreans) in the Republic of Uzbekistan in the period from 1991 to 2021 are gradually decreasing. It was revealed that the dominant features of the social dynamics of Russian people in the period of sovereignty were: the loss of special legal and “symbolic” status; the realization of minority status; and dependence on state policy in the national sphere. *Results.* Russian people in Uzbekistan preserve “European” social-cultural identity and emphasize the borders with the national identity of the indigenous population of the region. During the period under research, the complex and diverse identity of the Russian population, including local and regional identity, has become stronger. The narrowing of the socio-economic profile of Russians in the cities of the Republic of Uzbekistan becomes a conspicuous phenomenon.

Key words: Uzbekistan, Russians, Russian speaking, minority, political and legal status, “Europeans”, identity, socio-economic profile.

Citation. Tsyryapkina Yu.N. Russians in Republic of Uzbekistan: Demography, Identity, and Social Dynamics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 178-191. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.14>

УДК 39(575.1)=161.1
ББК 63.521(=411)

Дата поступления статьи: 21.12.2022
Дата принятия статьи: 15.02.2023

РУССКИЕ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: ДЕМОГРАФИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Юлия Николаевна Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье на основе полевых материалов, собранных в Республике Узбекистан в период с 2011 по 2019 г., анализируются вопросы демографического развития, идентичности и социальной динамики русских. В статье доказано, что термин «русские» следует рассматривать применительно к Узбекистану без этнизации, русских в республике невозможно анализировать как гомогенное этническое образование. Было определено, что аналогом названия данной группы являются термины «русскоязычные», «европейцы», включающие потомков переселенцев в Центральную Азию во время Российской империи и советского периода. Установлено, что демографические показатели русскоязычных этнических групп (русские, украинцы, татары, корейцы) в Республике Узбекистан в период с 1991 по 2021 г. постепенно уменьшаются. Выявлено, что основными чертами социальной динамики русских в период суверенитета становятся: потеря особого правового и «символического» статуса, осознание статуса меньшинства и зависимости от государственной политики в национальной сфере. У русских в Узбекистане сохраняется «европейская» со-

циокультурная идентичность и усиливаются границы с национальной идентичностью коренного населения региона. В изучаемый период укрепилась сложная и множественная идентичность русских, в том числе и локальная региональная идентичность. Заметным явлением становится сужение социально-экономического профиля русских в городах Республики Узбекистан.

Ключевые слова: Узбекистан, русские, русскоязычные, меньшинство, политико-правовой статус, «европейцы», идентичность, социально-экономический профиль.

Цитирование. Цыряпкина Ю. Н. Русские в Республике Узбекистан: демография, идентичность и социальная динамика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 178–191. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.14>

Введение. Демографическое и социокультурное развитие русских в суверенном Узбекистане чаще всего исследовалось в контексте демографического развития титульной группы. Этим процессам посвящены обобщающие работы таких авторов, как О.Б. Ата-Мирзаева, В.Л. Гентшке, Р.Х. Муртазаевой [5]. Публикаций об изменениях в политико-правовом статусе, самосознании и идентичности русских в суверенном Узбекистане немного, напрямую указанные вопросы рассматривались в статьях узбекского автора Е.В. Абдуллаева (см., например: [1]). Среди российских работ стоит выделить статью члена-корреспондента РАН Ю.В. Арутюняна [4] по итогам сравнительного исследования адаптации русских к постсоветским реалиям в Узбекистане и Эстонии в 1990-е годы. Косвенно вопрос об идентичности русскоязычного населения затрагивался в совместной публикации российско-британского коллектива авторов М. Флинн, Н. Космарской, Г. Сабировой, в которой анализируются аспекты, связанные с памятью русскоязычного населения Ферганы о советском прошлом [38].

Непосредственно русское сообщество Узбекистана в Ташкенте и в Чирчике (город в Ташкентской области в 30 км от столицы) на основе полевых материалов изучал американский исследователь С. Радниц. Автор пришел к выводам о том, что политические факторы миграции русских из Узбекистана, связанные с процессами нациестроительства, с проявлениями бытового национализма, влияли на решение о миграции только из-за того, что они затрагивали материальное благополучие людей [36].

Вопросам изучения идентичности русских в Ташкенте в начале 2000-х гг. посвящена публикация британского антрополога М. Флинн [37], написанная на основе каче-

ственных эмпирических исследований. В работе затрагиваются важнейшие аспекты адаптации русских в Узбекистане в условиях нациестроительства. В перечисленных публикациях рассматриваются отдельные аспекты темы, но не показывается социальная динамика этой группы населения в суверенный период.

Автором данной статьи в 2010-е гг. опубликованы работы, в которых на основе анализа полевых материалов, собранных в республике, характеризуются этнокультурные процессы русских в отдельных городах Узбекистана [32], а также процессы изменения идентификационных маркеров русских в Республике Узбекистан [33].

Методы и материалы. Статья основывается на уникальных полевых материалах, собранных в Узбекистане в период 2011–2015 гг. ежегодно, затем в 2019 году. Всего автором было записано 85 полуструктурированных интервью с теми, кто относится к русскоязычному населению Узбекистана. За указанные годы было проведено 5 экспедиций в различные города Узбекистана. Больше всего опрошенных респондентов было в г. Ангрен (Ташкентская область) – 34 чел., г. Ташкент – 24 чел., г. Фергана (Ферганская область) – 19 чел., г. Алмалык (Ташкентская область) – 5 чел., пос. Каган (12 км от Бухары) – 1 чел., г. Сырдарья (Сырдарьинская область) – 1 чел. В связи с тем, что доступность респондентов в Узбекистане была ограничена, набор информантов осуществлялся методом «снежного кома» – все это не позволило осуществить выборку по возрастным и социальным параметрам. Интервьюирование проводилось по заранее спланированному гайду, подразумевающему свободный ответ респондентов на поставленные вопросы. Этническая идентичность респондента опреде-

лялась посредством ответа на прямой вопрос, в двух случаях респонденты затруднились с отнесением себя к этнической группе и указали свою «официальную» идентичность по паспорту, эти случаи в работе маркируются отдельно. В г. Ангрэн были опрошены: русские – 20 чел., татары – 8 чел., узбеки – 3 чел., немцы – 2 чел., украинцы – 2 чел., таджики – 1 чел., китайцы – 1 чел. В г. Ташкент опрошены: русские – 13 чел., татары – 8 чел., украинцы – 1 чел., узбеки – 2 чел. В г. Фергана респонденты следующим образом определили свою идентичность: русские – 15 чел., узбеки – 3 чел., таджики – 1 чел. В г. Алмалык проинтервьюированы: русские – 4 чел., узбеки – 1 чел. В пос. Каган опрошены: русские – 1 чел.; в г. Сырдарья: русские – 1 чел.

Одна из трудностей изучения русских в суверенном Узбекистане связана с неоднозначностью самого определения «русский» и тех, кто входит в эту группу. Е.В. Абдуллаев одним из первых отметил невозможность анализа данной группы как гомогенного этнического образования [1, с. 12]. По его мнению, русские оказались очень разобщенными вследствие того, что относились к большой этнической группе, мигрировали разными волнами в имперский период и в советское время. В период СССР к русским активно себя причисляли представители других этнических групп, выходцы из смешанных браков и т. д. Схожие выводы на материалах исследования русских постсоветского Кыргызстана (1992–2002 гг.) содержатся в монографии Н.П. Космарской. В ее работе обосновывается позиция, согласно которой следует «очистить термин “русские” от этнизации» применительно к центральноазиатским республикам [7, с. 427]. Условное рассмотрение термина «русские» приводит к поиску определения для данного сообщества. Н.П. Космарская поясняет, что под термином «русские» имеет в виду русскоязычное сообщество Кыргызстана [7, с. 425]. Применительно к Узбекистану адекватного термина для обозначения группы переселенцев из России и их потомков не найдено [2, с. 8]. Лингвист и культуролог из Узбекистана А. Улько отмечает, что используемые для обозначения данной группы в Узбекистане определения «европейцы» или «русскоязычные» являются неудачными [31], од-

нако более точного аналога пока не находится. В целом исследователи едины в том, что в данную группу входят потомки переселенцев в Центральную Азию во время имперского освоения Туркестана и миграций советского периода [2, с. 8]. Кроме русских, в эту группу включаются украинцы, татары, немцы, корейцы, евреи и др. При этом нужно подчеркнуть, что носителями русского языка и схожей идентичности стали представители коренного населения Узбекистана, для некоторых из них русский является родным языком. Применительно к этой группе чаще употребляется определение «обрусевшие» узбеки / таджики и т. д. [1, с. 15].

В повседневно-бытовой жизни Узбекистана чаще всего употребляются определения «европейцы» и «националы», и они указывают на социокультурные границы, сложившиеся в городах еще в имперский период. Несмотря на тот факт, что в советский период стирались границы между «старым» (узбекским) и «новым» (европейским) городом, в социокультурной жизни сохранилось разделение по линии «европейской» и национальной (узбекской) идентичности. Отдельные авторы это разделение отмечают в категориях «европейцы – узбеки», подчеркивается, что оно проявляется во множестве различных границ [8, с. 141].

Е.В. Абдуллаев выделяет признаки «европеизма» русских в Узбекистане, к которым относит урбанизированный стиль жизни, владение европейским языком (в случае Узбекистана – русским), ориентир на западные стандарты и ценности, проявляющиеся в большем индивидуализме и критицизме [1, с. 19]. В советское время «европейскую» идентичность приобрели депортированные народы (немцы, корейцы), а также татары, эти группы стали русскоязычными и адаптировали европейский стиль жизни, городскую урбанизированную культуру и др. Часть коренного населения региона (узбеки, таджики), преимущественно городские жители, также приобщились к европейским ценностям, одежде (советская русификация), стали носителями «европейской» идентичности. «Европейская» идентичность аккумулирует схожие профессиональные интересы, культурную ориентацию, ценности и традиции, которые пересекают границы национальности.

«Европейская» идентичность была привнесена в центральноазиатское общество посредством русского языка, что сделало его «родным» для многих этнических групп, которых относят к русскоязычным, – татар, корейцев, немцев, украинцев, евреев и др. Носителями русского языка и «европейской» идентичности также стали представители коренного населения. Из интервью Р. [22]: *Когда Камилла (внучка респондента. – Ю. Ц.) училась здесь (в Фергане. – Ю. Ц.) в школе, я ее спрашивала: «Камилла, сколько у Вас русских в классе осталось?» Она мне начинает перечислять: «Я, Юля...» Я у нее спрашиваю: «А ты-то почему русская?»* В данном фрагменте интервью как раз выявляется важнейшая сложность самоидентификации «обрусевших» узбеков, чаще всего детей, которые приобщаются к «европейской» социокультурной идентичности и идентифицируют себя с русскими по языку, которым владеют как родным.

Анализ. Если рассматривать демографические показатели условной группы русскоязычного населения, то можно выявить динамику по годам и этническим группам (см. таблицу).

В Узбекистане после 1989 г. перепись населения не проводилась. Первая перепись населения в период суверенитета Узбекистана запланирована на ноябрь 2023 года. Все статистические данные показаны по результатам промежуточных срезов, предоставляемых Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан. За 30-летний

период доля русских уменьшилась более чем в 2 раза. Хотя отъезд русских из Узбекистана начался еще со второй половины 1970-х гг., в дальнейшем эти миграционные процессы значительно усилились в конце 1980-х годов. Динамика абсолютных и относительных показателей свидетельствует, что доля русских постепенно снижается с 1 653 478 чел. (8,3 %) в 1989 г. до 720 324 чел. (2 %) в 2021 г., так же как и уменьшаются показатели других русскоязычных групп (татары, украинцы и др.). Численность корейского населения снижается, но не такими высокими темпами, как у других групп: с 183 140 чел. (0,9 %) в 1989 г. до 174 210 чел. (0,5 %) в 2021 г., что объясняется высоким уровнем рождаемости и адаптивности корейцев к условиям жизни в Узбекистане в период независимости. При этом у узбеков выделяется высокий прирост населения, в абсолютных цифрах численность титульного населения выросла в 2 раза: 14 142 475 чел. (71,3 %) в 1989 г., 29 194 071 чел. (84,4 %) в 2021 г. [12].

В процессе анализа социальной динамики русских в Узбекистане автором статьи выделены основные социокультурные черты этой группы, которые проявляются в период суверенитета.

1. Оставшееся в республике русское население становится **меньшинством** вследствие изменения политико-правового статуса в начале 1990-х гг., который болезненно воспринимался русскими в центральноазиатских республиках [29, с. 16]. Одним из косвенных

Этнический состав населения Республики Узбекистан в 1990-е – 2021 г., чел.

Ethnic composition of the population of the Republic of Uzbekistan in 1990s – 2021, number of people

Этническая группа	1989 г.	1999 г.	2013 г.	2018 г.	2021 г.
Всего населения	19 810 077 (100 %)	24 135 559 (100 %)	29 993 531 (100 %)	32 656 660 (100 %)	34 558 891 (100 %)
Узбеки	14 142 475 (71,3 %)	18 737 854 (77,6 %)	24 858 159 (82,8 %)	27 427 844 (83,9 %)	29 194 071 (84,4 %)
Русские	1 653 478 (8,3 %)	1 208 467 (5 %)	809 530 (2,7 %)	739 684 (2,2 %)	720 324 (2 %)
Татары	467 829 (2,3 %)	316 585 (1,3 %)	211 119 (0,7 %)	192 252 (0,6 %)	187 330 (0,5 %)
Корейцы	183 140 (0,9 %)	176 802 (0,7 %)	184 699 (0,6 %)	175 993 (0,5 %)	174 210 (0,5 %)
Украинцы	153 197 (0,7 %)	110 133 (0,5 %)	–	–	–

Примечание. Составлено по: [6; 10–12].

признаков этого является масштабная миграция нетитульного населения на постоянное место жительства за пределы Узбекистана в первые годы суверенитета. Вместе с тем в официально-правовом поле Узбекистана термин «меньшинства» не зафиксирован и подчеркивается равноправный характер межэтнических отношений. Однако данную категорию в оценке политико-правового положения русских используют как внутри Узбекистана, так и за его пределами. В первую очередь это связано с тем, что русские в Узбекистане, как и в других республиках региона, лишились прежних привилегий, связанных со «статусом экстерриториальности». Данное определение было введено норвежским исследователем Полом Колсто, который подчеркнул, что русские в советское время в любой республике СССР, даже там, где их было мало (случай Узбекской ССР), чувствовали себя свободно в употреблении родного языка, во всех республиках находились государственные институты, языком делопроизводства в которых был русский [35, р. 613].

Е.В. Абдуллаев совершенно справедливо отмечал, что из-за массовой миграции в 1990-е гг. русские в Узбекистане стали ассоциироваться с «отъезжающими» на постоянное местожительство в другие страны [1, с. 17]. Обратные паттерны поведения русских, нацеленные на укоренение в Узбекистане, воспринимались окружающим сообществом, особенно в небольших городах, как нестандартные. Из интервью С. [23]: *...мой сын строит дом в Джуйдаме (название махалли в Фергане. – Ю. Ц.), я им помогаю, конечно. Соседи-узбеки так удивляются, что русские не контейнер для переезда собирают, а дом возводят.* Это один из редких примеров выстраивания жизненной стратегии русских в Фергане.

Казахстанский исследователь А.Н. Алексеенко, анализируя положение русских в Казахстане в период суверенитета, отмечает, что степень их интеграции в казахстанское общество полностью зависит от государственной политики [3, с. 11]. Этот вывод можно экстраполировать на ситуацию в других центральноазиатских республиках. Учитывая уровень государственного патернализма в Узбекистане, русские в этой республике в еще боль-

шей степени зависят от государственных решений. Спад миграции нетитульного населения из Узбекистана в начале 2000-х гг. был связан с изменениями в государственной политике и сдерживании государством всплесков бытового национализма. Соответственно, для нетитульного населения общественная и социокультурная среда становится сравнительно комфортной.

Осознание политического статуса меньшинства и изменение социокультурной среды в 2000–2010-е гг. фиксируются в оценочных установках респондентов о своем положении в республике. Во время полевых исследований в г. Ангрен Ташкентской области в 2014 г. в конце интервью респондент Е. [18] полупешотом многозначительно сказала: *Все равно мы здесь не свои, мы в гостях!* Два раза отказ от интервью с российским исследователем был обоснован и передан в форме: *Мы здесь чужие! Нам нужно вести себя тихо!; Мы не дома! Не стоит привлекать к себе внимание* (Ангрен, 2014 г., полевые исследования автора). Примерно та же оценка положения русских – «гости поневоле» – содержится в публицистических заметках о русских в Узбекистане поэта, прозаика В. Муратханова [14].

При этом процесс адаптации к жизни в Узбекистане, который чаще всего сводится к сохранению / локализации своей социокультурной среды, сопровождается болезненным осознанием сокращения этой группы. Из интервью А. [24]: *...и самое главное, я почувствовал однажды. Раньше, когда вот тут выступали наши, да, то русские смотрели, а те (имеет в виду узбеков. – Ю. Ц.) играли, какое-то было ощущение, ну вот, знаешь, где-нибудь показывают концерт, вот где-нибудь там Дом культуры, а русские смотрят. А последний раз вот несколько лет назад смотрю: коллективы русские танцуют, а вокруг узбеки, и я понял, что мы – резервация. Резервация, то есть уже для саморазвития сил почти нет, это уже такое доживание, скорее всего. <...> ...Ну не знаю, какие еще до этого обстоятельства сложатся, сейчас вот эти все перемещения, трудовые силы, они там приезжают. Может быть, что-то поменяет – это непредсказуемый фактор, но, конеч-*

но, тот мир, который был такой уютный, такой колониальный, такой баюкающий, уже не будет. Никогда не вернется в общем-то. Респондент указывает на видимое демографическое сокращение русских, сужение привычной социокультурной микросреды Ферганы и явную ностальгию по прежнему космополитичному русскоязычному городу.

Та же мысль зафиксирована в интервью Г. из Ангрена [16]: *Конечно, на сегодняшний день огорчает, даже если открытым текстом говорить и называть своими именами, устрашает то, что идет отплыв русскоязычного населения, русские, татары, ну в общем, европейцы покидают Центральную Азию, к сожалению. <...> ... Устрашает то, что практически не с кем общаться. Те люди, с которыми я общалась на короткой ноге, те, с которыми у меня был тесный круг общения, с которыми были одни интересы, одни взгляды, – все поужезжали, остались считанные, раз-два и обчелся.*

Сокращение привычной «европейской» городской микросреды и невозможность полностью интегрироваться в национальное общество и культуру заставляет русских болезненно ощущать свой статус «меньшинства».

2. Сохранение «европейской» идентичности русских и укрепление границ между европейцами и узбеками. Феномен социокультурной идентификации населения Узбекистана мало изучен в исследовательской литературе. Как ни странно, этот аспект больше упоминается в публицистических работах [34]. Наиболее точно он обозначен в научной публикации А. Космарского, который рассматривает данный феномен как «параллельное и полунезависимое существование современного городского индустриального русскоязычного “яруса” и традиционного, автохтонного торгово-сельскохозяйственного мира» [8, с. 141]. Границы «европейской» и национальной идентичности и данное разделение в повседневно-бытовой жизни нередко подчеркивается в интервью респондентами. Из интервью Д. [20]: *Многие русские до сих пор считают, что русские – это так (поднимает руку вверх. – Ю. Ц.), а узбеки они там чуть пониже, многие узбеки, кстати, тоже так, но их становится меньше та-*

ких, но тем не менее общая тенденция как бы сохраняется. Вот даже простой такой пример, вот стоит мой мотоцикл, да вон там, я приехал к своему знакомому подремонтировать его, и узбеки набежали: «Кто хозяин?!» И вот один из них там смотрел с удивлением туда-сюда и увидел у меня там то ли болт открутился, то ли что-то, я не знаю, вот само собой, и он мне говорит: «Это что такое?! Ты же – русский, ты же – не бабай, а у тебя вот это вот такое на мотоцикле! Как это так?!» <...> У него в сознании даже не вписывается, что у русского человека тоже может что-то открутиться, может болтаться и как-то вот так вот выглядеть. Понимаете, да?! <...> Очень распространено представление, что если хозяин – русский, то эту технику можно продать лучше, потому что она в хорошем состоянии. Вот у меня буквально на прошлой неделе мой знакомый, в милиции работает, лейтенант, с ним идем разговариваем, он говорит: «Мне машина нужна. У тебя нет кого-нибудь знакомых русских, кто продаст машины?» Он не хочет узбеков, таджиков, он у русского хочет купить. Вот это показатель. <...> Потому что русский человек, раз это техника, то, значит, русский понимает лучше, он, значит, грамотнее, он – грамотней, вот логика такая. Многие так.

В повседневно-бытовой жизни узбекских городов степень доверия к русским значительно выше, поэтому у них предпочитали покупать квартиры, бытовую технику, автомобили и др. Это связано с тем, что в представлении коренных жителей, чаще всего выходцев из сельской местности, русские – коренные жители городов, носители современной культуры, у которых имеется современный опыт. Выходцы из сельской среды, переезжая в город, так или иначе проходят русификацию, которая становится неотъемлемым условием для общения к модернизирующейся городской среде [2, с. 10]. При этом респондент из Ангрена подчеркивает, что «символический» статус русских, он его обозначает как комплекс «старшего брата», имеет значение только для узбеков – выходцев из сельской местности. Из интервью Д. [20]: *...городские (узбеки. –*

Ю. Ц.) уже вот от этой установки больше и больше отходят, особенно люди образованные, вот узбеки да, с высшим образованием, которые из себя что-то представляют, состоялись как личности, занимают определенное место в социуме, такое прочное уже, у них нет вот этого комплекса. А вот те, кто там подальше и по-выше (имеет в виду жителей кишлаков. – Ю. Ц.), они – да. <...> Я бы так сказал, ощущать себя «старшим братом» почти уже тут некому. Потому что те, кто был пограмотней, пообразованней, поумней, они, как говорится, давно уже отсюда свалили, почуяв общую тенденцию. Остались здесь ну кто попроще, в основном, в основной своей массе. Как может чувствовать себя «старшим братом» алкаш, который побирается?! Таких немало русских здесь. Что с него брать?! А он, кстати, бросает тень на всю нацию: «А, русский алкаш» – часто можно это услышать.

Респондент отмечает, что сами русские уже давно не ощущают статус «старшего брата», но транслируют свою «европейскую» идентичность. В повседневной жизни так или иначе проявляются границы между двумя социокультурными идентичностями, это очерчивается в первую очередь в самоназвании групп: «европейцы» в повседневной жизни, в интервью часто обозначают титульное население нейтральным определением «националы», в редких случаях – «бабай». В последнее определение вкладывается разный смысл в зависимости от того, по отношению к кому его применяют.

В общем значении «бабай» (от узбекского «бобо» – «дедушка») на языке повседневности означает мужчину-узбека, филологи отмечают, что употребляется в ироничном контексте [34]. В интервью Е. [21] подчеркивается: *...раньше (имеет в виду советское время. – Ю. Ц.) бабаи были просто узбеки... причем обидный контекст это слово носило для русского населения, а для узбеков бабай – это дедушка.* В семантическом значении, которое четко не указывается респондентами, ярлыком «бабай» наделяли несовременного мужчину, чей внешний вид или поведение выдавало отсутствие правильных привычек и схем поведения в городе.

Сами узбеки в значение слова «бабай» не вкладывают ироничный и обидный смысл и имеют в виду человека несовременного. Из разговора с узбеком, водителем такси, который, рассказывая о конфликте поколений в своей семье, заметил: *Жена мне говорит: «Что ты одеваешься как бабай?! У тебя одни брюки и рубашки, посмотри джинсы и футболки молодежные»* (Ангрен, 2014 г. включенное наблюдение). В данном случае сам респондент утверждал, что у него консервативные привычки в выборе одежды.

В работе А. Космарского подчеркивается эта же особенность социокультурной идентификации, согласно которой ташкентская узбекская элита, чаще всего русифицированная, по многим параметрам была ближе ташкентским «европейцам», чем сельским соплеменникам. Именно городские узбеки акцентировали внимание на культуре поведения выходцев из сельской местности [8, с. 143]. Приведенные факты свидетельствуют о наличии множества невидимых границ, существующих в узбекском обществе.

3. Русские в Узбекистане все чаще имеют **сложную множественную этническую идентификацию**, в которой формализованная паспортная идентичность не всегда совпадает с самоощущением. Этническая идентичность в этнически смешанных семьях, особенно у детей от разных в этноконфессиональном плане родителей, подвергается «дрейфу идентичности» [30, с. 123], в рамках которого используются различные культурные конфигурации, идентификация становится ситуативной.

В городской среде советского Узбекистана заключалось множество межэтнических браков или, чаще всего, союзов между русскими и представителями коренных народов региона (узбеками, таджиками). У детей от смешанных браков в дальнейшем возникали сложности с этническим и религиозным самоопределением. В советский период дети из смешанных браков, где кто-либо из родителей был русским, в большинстве случаев в паспорте записывались как «русские». При этом отождествление с религией либо не происходило, либо происходило на поверхностном уровне как вариант культурной традиции, так как в эпоху атеизма религия была под запретом. Разные судьбы потомков этнически сме-

шанных семей в Самарканде в имперский, советский периоды и в эпоху суверенитета показаны в монографии кандидата филологических наук Т. Ниязовой [15]. Автор, пытаясь выделить важные культурные конфигурации для этнически смешанных семей, акцентирует внимание на том, какой язык доминирует у потомков, что является одним из маркеров социокультурной идентичности.

В суверенном Узбекистане определиться с этнической идентичностью становится необходимым в формально-бюрократических процедурах в связи с наличием в узбекских паспортах обязательной для заполнения графы «национальность». В то же время «национальность», зафиксированная в узбекском паспорте, не всегда соответствует этнокультурному и социокультурному самоопределению человека. Носители русской культуры и языка, преимущественно из смешанных семей, легко изменяют свои идентификационные маркеры и подстраиваются под этническую принадлежность или религию большинства. Зачастую это решение принимается осознанно и связано с выбором дальнейшей стратегии на проживание в Узбекистане.

Респондент Ф. из Алмалыка [28], 19 лет, на момент интервьюирования в 2014 г. также имела сложности с самоидентификацией. Респондент признавала, что сформировалась в русской культуре, русский язык для нее являлся родным, она разделяла «европейскую» социокультурную идентичность, что выражалось в ее внешнем виде и манере одеваться, но соотносить себя с той или иной этнической группой не могла: *И.: А Вы себя по национальности как идентифицируете? Р.: Никак, вот никак, честно, никак, никак, мама – смешанная, папа – смешанный, ну что делать не знаю?! В паспорте написано «узбечка». И.: Да?! Почему узбечка? Р.: Как по мне скажешь?! Ну все равно, акцент русский, русская школа, все равно свое дает. Ну как по мне скажешь, что я узбечка или русская, вот ну как вот меня Бог так отделил, да?! Ну да вот, например, у меня бабушка, отец у нее керченский татарин, с Керчи они все, вот когда была сталинская репрессия, они попали под сталинскую репрессию и, соответственно, сюда попали, смеси очень много. Папа – донской казак с*

татаринном, мама – таджичка с кем-то еще, это тяжело вот, тяжело, честно, бабушка сама намешанная уже.

Ф. могла существовать сразу в двух контекстах – «европейском» и национальном: выходя в город на встречу с друзьями, надевала короткие шорты, но осознавала, что в махаллю, где проживает бабушка по материнской линии, нужно облачиться в более традиционную одежду – укороченные шаровары и тунику. На выбор паттернов поведения у выходцев из смешанных семей влияет множество ситуативных факторов, окружение, контекст существования и др.

Из интервью Н. [25]: *...у меня папа – узбек из Бричмуллы с голубыми глазами, фронтовик, 2 года был в плену у немцев, 25 лет прожил в России, целину осваивал в Омске. Потом приехал в Ташкент, меня привез в 12 лет сюда. <...> В СССР я записала в паспорте национальность «узбечка», потому что знала, что папе будет приятно. У меня еще 2 брата, один записался как «русский», другой как «узбек». В семье всегда говорили только на русском языке. <...> Сколько у нас здесь было директоров, когда они смотрят мой паспорт, ни один не удивился: «Н., ты узбечка?» Все говорят: «В России родилась! Тебе повезло!» Они на национальность совсем не смотрят. В отдельных семьях родные братья и сестры выбирают разные варианты формализованной идентичности, что еще раз свидетельствует о ситуативности и множественности этнической идентичности.*

Важнейшей для респондентов является «европейская» социокультурная идентичность. Этническое самоопределение уживается с другими видами идентичности. На самоопределение влияет множество ситуативных факторов, связанных с семьей, окружением, выбором партнера, жизненными планами и стратегией на дальнейшее проживание в республике или миграцию за ее пределы. При этом наличие «европейской» идентичности не позволяет интегрироваться в национальную традиционную среду, либо интеграция происходит до определенной степени. Из интервью А. [24]: *...другие реакции на мир, другие впечатления, оно и другое, почему и чувствуют все (имеет в виду миграцию рус-*

ских. – Ю. Ц.), потому что он сидит и не может разделить каких-то ментальных глубинных вещей, не может... все равно он не хочет становиться узбеком, он примет внешние признаки: казан, плов там, какие-то вещи, но в каких-то глубинных вещах он не хочет меняться.

Эта же мысль о невозможности глубокой аккультурации русских в национальной среде Узбекистана высказывалась в интервью В. [26]: *Ну здесь, допустим, еще почему уезжают, истончается вот это российское присутствие. А я, допустим, выучил узбекский язык, у меня дед прекрасно говорил по-узбекски. Но этого мало, нужно быть ментальным. Язык выучить можно, но нужен менталитет узбека. А менталитет я уже не приобрету, да и не только я, никто не приобретет.*

Наличие «европейской» идентичности, осознание границ между «европейцами» и узбеками в социокультурном пространстве Узбекистана, заимствование отдельных традиций, аспектов жизни в Центральной Азии приводит к формированию *локальной* идентичности среднеазиатского русского. Этот вид идентификации подробно охарактеризовала Н.П. Космарская на полевых материалах, изучающих идентичность русских в Кыргызстане, и она же обозначила главный компонент этой идентичности – осознание себя отличающимся от русских в России [7, с. 403]. Характерный эпизод, раскрывающий этот вид идентичности, в интервью Р. [17]: *Здесь – Восток! Люди здесь были празднично одетые, веселые, ну Восток всегда любит яркую одежду, блестящую. Это не то что там грязные фуфайки, кирзовые сапоги, шапки-ушанки и вечно пьяные мужики в России.*

Из интервью О. [27]: *...но в Россию не хочу, меня раздражают русские те. Потому что я с детства помню – это превосходство, националисты еще те, хоть говорят, что здесь национализм, да в России страшный национализм.* Во многих интервью подчеркиваются различные границы, разделяющие среднеазиатских русских с русскими в России. Главный акцент на собственную «самость» и качества, которыми отличаются жители России.

Одной из важнейших составляющих локальной идентичности среднеазиатского русского является эмоциональная привязанность к родине, в данном случае – к Узбекистану. К примеру, у респондента И. [19] близкие родственники проживали в Алтайском крае РФ, сам он неоднократно выезжал в Россию в трудовую миграцию: *И.: Какую страну ты считаешь Родиной? Что для тебя Родина? Р.: Здесь, Узбекистан. Узбекистан для меня – это все, это мое детство. <...> Это точно, горячая лепешка, дыня. Мирзочульская дыня, большая такая, душистая, сладкая... одна дыня двенадцать – пятнадцать килограмм, одна дыня была. Вот наша семья с бабушкой вместе, нас шесть человек, росло трое детей, отец, мать и бабушка – шесть человек, мы в доме жили. Вот такую покупал отец большую дыню, на всех хватало, еще оставалось. Вдоволь наедались...*

Локальная идентичность среднеазиатских русских в Узбекистане объединяет представителей всего русскоязычного сообщества. Идентификация русских Узбекистана сложна по своей структуре и может включать различные лояльности и общности.

4. Трансформация **социально-экономического положения** русских в Узбекистане. Несмотря на то что национальная политика, законодательство Республики Узбекистан носит «уравнительный» характер и обеспечивает права всех этнических групп, в 1990-е гг. у русских существенно сузился их социально-профессиональный профиль, что стало неизбежным из-за разрушения прежних хозяйственных связей, остановки производства, а также скрытых рычагов конкуренции, таких как языковая политика, когда незнание государственного языка приводило к их «острожному» исключению из политической и экономической жизни.

В специальном исследовании С. Радница о факторах, выталкивающих русских из Узбекистана в 1990–2000-е гг., акцентируется внимание на том, что экономические трудности постсоветского времени отразились на всех жителях Узбекистана, однако острота языкового вопроса позволила узбекам иметь дополнительный ресурс в соревновании за трудовые места и должности [36, р. 667]. В ис-

следовании М. Флинн также отмечается, что русские респонденты не связывали свое сложное экономическое положение с этничностью. Безработице были подвержены как русские, так и узбеки [37, р. 274–275].

«Отчужденность» нетитульных групп в социально-экономической структуре связана с тем, что они не вписывались в административный аппарат, силовой блок, бизнес-структуры и т. д. из-за отсутствия доступа в патрон-клиентские сети, родства и земляческих связей, но при этом они работали в качестве наемных работников [1, с. 23]. В 2000–2010-е гг. государство устанавливает негласные квоты для нетитульного населения, в рамках которых в каждом государственном учреждении должны работать русские или другие русскоязычные для демонстрации баланса в национальной политике. Из интервью Д. [20]: *...в наше ангренское отделение полиции ищут русского или другого «европейца» для приема на работу, министерство срочно потребовало выполнить квоту по меньшинствам. А кто там сможет работать? Надо же знать государственный язык.* В государственных учреждениях русские были трудоустроены в единичных случаях, и это не влияло на общую ситуацию с безработицей: *...на государственную службу в основном берут узбеков, например в Аппарат Президента. Это негласный закон, по-моему делается это для того, чтобы поддержать национальные кадры. В частных компаниях, когда необходимо взять на работу хорошего специалиста, берут русских* [13, с. 208].

Отдельные работодатели, положительно оценивая уровень квалификации и подготовки русских, активно нанимают их на работу. Из интервью О. [27]: *...да, я говорю, тогда за те 8 лет (имеет в виду 1990-е гг. – Ю. Ц.) упал статус русских, потом он улучшился. Даже у меня директор в школе – узбечка, я как-то прихожу, говорю: «Там вот учительница ищет работу...» Она: «Русская?» Я: «Да». Директор: «Веди!» Даже тут, вроде сама узбечка, нет, русскую ей приведи.* В данном случае стремление руководителя взять на работу сотрудницу с «европейской» социокультурной идентичностью связано с ролью женщины в традиционной национальной семье, в которой на первый

план выходит забота о муже, детях и родителях мужа. Хотя эта ситуация постепенно изменяется, и в последние 3 года президент Ш. Мирзиёев усиливает меры по социальной поддержке женщин и их успешной профессиональной социализации [9].

В исследовании потенциальных соотечественников в Узбекистане, проведенном Институтом стран СНГ в 2008 г. практически сразу после введения в действие «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» в 2006 г., отмечается, что основной сферой занятости русских становится производство, в котором требуется высокая квалификация, техническая подготовка, а также частный сектор. Исходя из данных проведенного мониторинга, русские в Узбекистане считали, что их уровень жизни существенно отличается в худшую сторону, чем в России [13, с. 205–208]. Это становилось одной из важнейших причин миграции русских из Узбекистана, наряду со сложностью получения образования молодежью и др.

Заключение. Опыт исследований русских в центральноазиатских республиках приводит к выводу об условном рассмотрении этнонима «русские», не обозначающего этническую группу. Русские в Узбекистане представляют собой многонациональное сообщество с «европейской» идентичностью потомков переселенцев в регион во время имперского освоения Туркестана и миграций советского периода. При этом демографические показатели всех русскоязычных этнических групп (русские, украинцы, татары, корейцы) уменьшаются. Основными чертами социальной динамики русских в период суверенитета становятся: потеря особого правового и символического статуса; осознание статуса меньшинства и зависимости от государственной политики в национальной сфере; сохранение «европейской» социокультурной идентичности и обозначение границ с национальной идентичностью. В изучаемый период усилилась сложная и множественная идентичность русских, в том числе и локальная идентичность. Заметным явлением становится сужение социально-экономического профиля русских, что стало одной из причин миграции из Узбекистана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев Е. В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях модернизации // Русский мир в Центральной Азии / под ред. А. А. Князева. Бишкек: О.Ф. Александра Князева; Центральноазиат. ин-т рус. диаспоры, 2007. Вып. 1. С. 9–33.
2. Абдуллаев Е. В. Об идентичности русских Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 7–10.
3. Алексеенко А. Н. Русские в орбите государственной политики // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 11–12.
4. Арутюнян Ю. Русские в Узбекистане // Россия и мусульманский мир. 2004. № 4. С. 110–117.
5. Ата-Мирзаев О. Б., Гентшке В. Л., Муртазаева Р. Х. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Янги аср авлоди, 2011. 251 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1989 г. по Узбекской ССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=4
7. Космарская Н. П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М.: Наталис, 2006. 597 с.
8. Космарский А. Вежливый отказ от конфликтов: к антропологическому объяснению «стабильности» постсоветского Узбекистана // Центральная Евразия. 2018. № 2 (2). С. 135–148.
9. Льготы, квоты, гранты. Президент определил меры по поддержке женщин. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/03/02/women-support/>
10. Материалы, предоставленные Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан, от 12 мая 2014 г. № 01/2-05-05/3-50.
11. Материалы, предоставленные Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан, от 3 мая 2019 г. № 01/4-01-19-477.
12. Материалы, предоставленные Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан, от 15 мая 2022 г. № 01/3-13-07/3-280.
13. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в центральноазиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). М.: Ин-т стран СНГ, 2008. 269 с.
14. Муратханов В. Первородный грех колониста. Русские в Средней Азии. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2005/8/pervorodnyj-greh-kolonista.html>
15. Ниязова Т. Ф. Made in USSR. Самарканд: Междунар. ин-т центральноазиат. исслед., 2022. 309 с.
16. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Интервью: г. Ангрэн, Республика Узбекистан, 20.08.2012, Г., 32 года, татарка, учитель.
17. ПМА. Интервью: г. Ангрэн, Республика Узбекистан, 03.09.2013, Р., 64 года, татарин, пенсионер.
18. ПМА. Интервью: г. Ангрэн, Республика Узбекистан, 09.05.2014, Е., 84 года, русская, пенсионер.
19. ПМА. Интервью: г. Ангрэн, Республика Узбекистан, 09.05.2014, И., 40 лет, татарин, водитель.
20. ПМА. Интервью: г. Ангрэн, Республика Узбекистан, 14.07.2014, Д., 42 года, русский, безработный.
21. ПМА. Интервью: г. Ангрэн, Республика Узбекистан, 17.08.2018, Е., 48 лет, русская, инженер.
22. ПМА. Интервью: г. Фергана, Республика Узбекистан, 02.08.2014, Р., узбечка, 61 год, пенсионер.
23. ПМА. Интервью: г. Фергана, Республика Узбекистан, 06.08.2014, С., 68 лет, русская, пенсионер.
24. ПМА. Интервью: г. Фергана, Республика Узбекистан, 07.08.2014, А., 64 года, русский, преподаватель.
25. ПМА. Интервью: г. Ташкент, Республика Узбекистан, 23.09.2015, Н., 53 года, узбечка по паспорту, служащая.
26. ПМА. Интервью: г. Ташкент, Республика Узбекистан, 12.08.2015, В., 64 года, русский, научный сотрудник академического института.
27. ПМА. Интервью: г. Ташкент, Республика Узбекистан, 15.09.2015, О., 41 год, татарка, преподаватель в лицее.
28. ПМА. Интервью: г. Алмалык, Республика Узбекистан, 20.08.2014, Ф., 19 лет, узбечка по паспорту, но с неопределенной этнической идентификацией, выпускница академического лицея.
29. Тишков В. А. Русские в Средней Азии и Казахстане. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. 22 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 51).
30. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
31. Улько А. «Узбекский – язык для узбеков»? Почему в стране до сих пор есть проблемы с узбекским языком. URL: <https://old.hook.report/2019/08/ Problema-uzb/>
32. Цыряпкина Ю. Н. Русские Узбекистана: современные этнокультурные процессы (на примере г. Ангрена) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 91–94.
33. Цыряпкина Ю. Н. Идентификационные маркеры русского населения Узбекистана в постсоветский период // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4 (50). С. 206–213.
34. Шафранская Э. Русский язык Ташкента: фольклорно-мифологическая повседневность. URL:

<http://mytashkent.uz/2008/04/30/ruskiy-yazyik-tashkenta-folklorno-mifologicheskaya-povsednevnost/>

35. Kolsto P. Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // *Millennium: Journal of International Studies*. 1999. № 28 (3). P. 607–631.

36. Radnitz S. Weighing the Political and Economic Motivations for Migration in Post-Soviet Space: The Case of Uzbekistan // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58, № 5. P. 653–677.

37. Flynn M. Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35, № 2. P. 267–288.

38. Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G. The Place of Memory in Understanding Urban Change in Central Asia: The Cities of Bishkek and Ferghana // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66, № 9. P. 1501–1524.

REFERENCES

1. Abdullaev E.V. Russkie v Uzbekistane 2000-h: identichnost v usloviyah demodernizatsii [Russians in Uzbekistan in the 2000s: Identity in the Conditions of Demodernization]. Knjazev A.A., ed. *Russkij mir v Centralnoj Azii* [Russian World in Central Asia]. Bishkek, O.F. Aleksandra Kniazeva, Tsentralnoaziat. in-t rus. diaspori, 2007, iss.1, pp. 9-33.

2. Abdullaev E.V. Ob identichnosti russkikh Srednej Azii [On the Identity of Russians in Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, vol. 2, pp. 7-10.

3. Alekseenko A.N. Russkie v orbite gosudarstvennoj politiki [Russians in the Orbit of State Policy]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, vol. 2, pp. 11-12.

4. Arutjunjan Ju. Russkie v Uzbekistane [Russians in Uzbekistan]. *Rossija i musulmanskij mir* [Russia and the Muslim World], 2004, vol. 4, pp. 110-117.

5. Ata-Mirzaev O.B., Gentshke V.L., Murtazaeva R.H. *Uzbekistan mnogonatsionalnyj: istoriko-demograficheskij aspekt* [Multinational Uzbekistan: Historical and Demographic Aspect]. Tashkent, Jangi asr avlodi Publ., 2011. 251 p.

6. *Vsesoiuznaia perepis naseleniia 1989 g. po Uzbekskoi SSR* [All-Union Population Census of 1989 for the Uzbek SSR]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=4

7. Kosmarskaja N.P. «*Deti imperii*» v postsovetskoj Centralnoj Azii: adaptivnye praktiki i mentalnye sdvigi (russkie v Kirgizii, 1992–2002) [“Children of the Empire” in Post-Soviet Central Asia: Mental Shifts and Practices of Adaptation (Russians in Kyrgyzstan, 1992–2002)]. Moscow, Natalis Publ., 2006. 597 p.

8. Kosmarskij A. Vezhlivyj otkaz ot konfliktov: k antropologicheskomu objasneniju «stabilnosti» postsovetskogo Uzbekistana [Polite Rejection of Conflicts: An Anthropological Explanation “Stability” of Post-Soviet Uzbekistan]. *Centralnaja Evrazija* [Central Eurasia], 2018, no. 2 (2), pp. 135-148.

9. *Lgoty, kvoty, granty. Prezident opredelil mery po podderzhke zhenshhin* [Benefits, Quotas, Grants. President Defines Measures to Support Women]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/03/02/women-support/>

10. *Materialy, predostavlennye Gosudarstvennym komitetom po statistike Respubliki Uzbekistan, ot 12 maya 2014 g. № 01/2-05-05/3-50* [Materials Provided by the State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics Dated May 12, 2014, No. 01/2-05-05/3-50].

11. *Materialy, predostavlennye Gosudarstvennym komitetom po statistike Respubliki Uzbekistan, ot 3 maya 2019 g. № 01/4-01-19-477* [Materials Provided by the State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics Dated May 3, 2019, No. 01/4-01-19-477].

12. *Materialy, predostavlennye Gosudarstvennym komitetom po statistike Respubliki Uzbekistan, ot 15 maya 2022 g. № 01/3-13-07/3-280* [Materials Provided by the State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics Dated May 15, 2022, No. 01/3-13-07/3-280].

13. *Monitoring realizatsii Gosudarstvennoj programmy po okazaniju sodejstvija dobrovolnomu pereseleniju v Rossijskuyu Federaciju sootchestvennikov, prozhivajushhhih za rubezhom, v centralnoaziatskom regione (Kazahstan, Kirgizija, Tadjikistan, Uzbekistan)* [Monitoring the Implementation of the State Program to Assist Voluntary Resettlement to the Russian Federation of Compatriots Living Abroad in the Central Asian Region (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan)]. Moscow, In-t stran SNG, 2008. 269 p.

14. Murathanov V. *Pervorodnyj greh kolonista. Russkie v Srednej Azii* [The Colonist’s Original Sin. Russians in Central Asia]. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2005/8/pervorodnyj-greh-kolonista.html>

15. Nijazova T.F. *Made in USSR*. Samarkand, Mezhdunar. in-t centralnoaziat. issled., 2022. 309 p.

16. *Polevye materialy avtora (dalee – PMA). Intervyu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 20.08.2012, G., 32 goda, tatarka, uchitel* [Field Materials of the Author (hereinafter – PMA). Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 20.08.2012, 32, Tatar, Teacher].

17. *PMA. Interviu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 03.09.2013, R., 64 goda, tatarin, pensioner* [PMA. Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 09.03.2013, 64, Tatar, Pensioner].

18. *PMA. Interviu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 09.05.2014, E., 84 goda, russkaja,*

pensioner [FMA. Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 09.05.2014, 84, Russian, Pensioner].

19. PMA. *Interviu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 09.05.2014, I., 40 let, tatarin, voditel* [FMA. Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 09.05.2014, 40, Tatar, Driver].

20. PMA. *Interviu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 14.07.2014, D., 42 goda, russkij, bezrabotnyj* [FMA. Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 14.07.2014, 42, Russian, Unemployed].

21. PMA. *Interviu: g. Angren, Respublika Uzbekistan, 17.08.2018, E., 48 let, russkaia, inzhener* [FMA. Interview: Angren, Republic of Uzbekistan, 17.08.2018, 48, Russian, Engineer].

22. PMA. *Interviu: g. Fergana, Respublika Uzbekistan, 02.08.2014, R., uzbechka, 61 god, pensioner* [FMA. Interview: Fergana, Republic of Uzbekistan, 02.08.2014, Uzbek, 61, Pensioner].

23. PMA. *Interviu: g. Fergana, Respublika Uzbekistan, 06.08.2014, S., 68 let, russkaia, pensioner* [FMA. Interview: Fergana, Republic of Uzbekistan, 06.08.2014, 68, Russian, Pensioner].

24. PMA. *Interviu: g. Fergana, Respublika Uzbekistan, 07.08.2014, A., 64 goda, russkii, prepodavatel* [FMA. Interview: Fergana, Republic of Uzbekistan, 07.08.2014, 64, Russian, Lecturer].

25. PMA. *Interviu: g. Tashkent, Respublika Uzbekistan, 23.09.2015, N., 53 goda, uzbechka po pasportu, sluzhashchaia* [FMA. Interview: Tashkent, Republic of Uzbekistan, 23.09.2015, 53, Uzbek by Passport, Employee].

26. PMA. *Interviu: g. Tashkent, Respublika Uzbekistan, 12.08.2015, V., 64 goda, russkii, nauchnyy sotrudnik akademicheskogo instituta* [FMA. Interview: Tashkent, Republic of Uzbekistan, 12.08.2015, 64, Russian, Researcher of the Academic Institute].

27. PMA. *Interviu: g. Tashkent, Respublika Uzbekistan, 15.09.2015, O., 41 god, tatarka, prepodavatel v litsee* [FMA. Interview: Tashkent, Republic of Uzbekistan, 15.09.2015, 41, Tatar, Lecturer at the Lyceum].

28. PMA. *Interviu: g. Almalyk, Respublika Uzbekistan, 20.08.2014, F., 19 let, uzbechka po pasportu, no s neopredelivsheisia etnicheskoi identifikatsiei, vypusknitsa akademicheskogo litseia* [FMA. Interview: Almalyk, Republic of Uzbekistan, 20.08.2014, 19, Uzbek by Passport, but with Undecided Ethnic Identification, Graduate of an Academic Lyceum].

29. Tishkov V.A. *Russkie v Srednei Azii i Kazakhstane* [Russians in Central Asia and Kazakhstan]. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 1993. 22 p. (Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii [Studies in Applied and Urgent Ethnology], vol. 51).

30. Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsialno-kulturnoi antropologii* [Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 544 p.

31. Ulko A. «Uzbekskii – iazyk dlia uzbekov»? *Pochemu v strane do sikh por est problemy s uzbekskim iazykom* [“Uzbek Is the Language for Uzbeks”? Why There Are Still Problems with the Uzbek Language in the Country]. URL: <https://old.hook.report/2019/08/problema-uzb/>

32. Tsyriapkina Iu.N. *Russkie Uzbekistana: sovremennye etnokulturnye protsessy (na primere g. Angrena)* [Russians of Uzbekistan: Modern Ethno-Cultural Processes (On the Example of the City of Angren)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 3, pp. 91-94.

33. Tsyriapkina Iu.N. *Identifikatsionnye markery russkogo naseleniia Uzbekistana v postsovetskii period* [Identification Markers of the Russian Population of Uzbekistan in the Post-Soviet Period]. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2015, no. 4 (50), pp. 206-213.

34. Shafranskaia E. *Russkii iazyk Tashkenta: folklorno-mifologicheskai povsednevnost* [Russian Language of Tashkent: Folklore and Mythological Everyday Life]. URL: <http://mytashkent.uz/2008/04/30/russkiy-yazyk-tashkenta-folklorno-mifologicheskaya-povsednevnost/>

35. Kolsto P. Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics. *Millennium: Journal of International Studies*, 1999, no. 28 (3), pp. 607-631.

36. Radnitz S. Weighing the Political and Economic Motivations for Migration in Post-Soviet Space: The Case of Uzbekistan. *Europe-Asia Studies*, 2006, vol. 58, no. 5, pp. 653-677.

37. Flynn M. Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan. *Nationalities Papers*, 2007, vol. 35, no. 2, pp. 267-288.

38. Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G. The Place of Memory in Understanding Urban Change in Central Asia: The Cities of Bishkek and Ferghana. *Europe-Asia Studies*, 2014, vol. 66, no. 9, pp. 1501-1524.

Information About the Author

Yulia N. Tsyryapkina, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of History and International Relations, Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya St, 55, 656031 Barnaul, Russian Federation, guzvenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8537-8410>

Информация об авторе

Юлия Николаевна Цыряпкина, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории, Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, 55, 656031 г. Барнаул, Российская Федерация, guzvenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8537-8410>